

Научная статья /
Research Article

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)52

МОТИВ ЛЕНИ В ДРУЖЕСКОЙ ПЕРЕПИСКЕ МОЛОДОГО И.В. КИРЕЕВСКОГО

© 2022 г. М.Д. Кузьмина

*Санкт-Петербургский государственный
университет промышленных технологий
и дизайна, Санкт-Петербург, Россия*

Дата поступления статьи: 07 июля 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 17 августа 2021 г.

Дата публикации: 25 марта 2022 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-240-259>

*Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект
№ 20-68-46021, «Славянофильство в религиозно-философском диалоге: 1836–1917»*

Аннотация: В статье рассматривается мотив лени в дружеской переписке

И.В. Киреевского 1820–1830-х гг. Выявляется, что для будущего славянофила сохраняла актуальность интерпретация этого мотива, распространенная в русской лирике и эпистолярной началу XIX в. и аутентичная, в частности, для юного А.С. Пушкина, — как «благословенной лености», сопутствующей творческому дару и потому плодотворной, связанной со свободой и счастьем творчества. Во многом И.В. Киреевский воспринял такое понимание лени через призму романтической культуры, и прежде всего в русле элегического романтизма — под влиянием его крупного представителя В.А. Жуковского, своего родственника и друга. Одновременно молодой эпистограф воспринял и то понимание лени, которого придерживались его друзья-корреспонденты: А.И. Кошелев, А.В. Веневитинов, В.Ф. Одоевский и др. С их точки зрения, лень на избранном поприще деятельности на благо Отечества и лень в дружеской переписке, где, собственно, и надлежит отчитываться о результатах этой деятельности, совершенно недопустима. Следовательно, неусердие в переписке — тревожный симптом: оно может свидетельствовать о неусердии в деятельности. И.В. Киреевский снискал в кругу своих друзей репутацию ленивца. И, с одной стороны, отстаивал свободу творчества, право на внутреннюю работу при отсутствии внешней, с другой же — переживал и каялся перед друзьями в лени, старался бороться с ней. Мотив лени стал основой художественных экспериментов и достижений Киреевского-эпистографа.

Ключевые слова: И.В. Киреевский, дружеское письмо 1820–1830-х гг., мотив лени, А.С. Пушкин, А.И. Кошелев, С.А. Соболевский, Е.А. Баратынский, В.Ф. Одоевский.

Информация об авторе: Марина Дмитриевна Кузьмина — кандидат филологических наук, доцент кафедры книгоиздания и книжной торговли Высшей школы печати и медиатехнологий, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, ул. Большая Морская, д. 18, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1293-800X>

E-mail: mdkuzmina@mail.ru

Для цитирования: *Кузьмина М.Д.* Мотив лени в дружеской переписке молодого И.В. Киреевского // *Studia Litterarum.* 2022. Т. 7, № 1. С. 240–259. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-240-259>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 7, no. 1, 2022

THE MOTIF OF LAZINESS IN THE FRIENDLY CORRESPONDENCE OF THE YOUNG I.V. KIREEVSKY

© 2022. Marina D. Kuzmina

*Saint-Petersburg State University of Industrial
Technologies and Design, St. Petersburg, Russia*

Received: July 07, 2021

Approved after reviewing: August 17, 2021

Date of publication: March 25, 2022

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Science Foundation, project no. 20-68-46021: “Slavophilism in the religious-philosophical dialogue: 1836–1917.”

Abstract: The article examines the motif of laziness in the friendly correspondence of I.V. Kireevsky in the 1820s–1830s. It turns out that for the future Slavophile the interpretation of this motif, which was widespread in Russian lyric poetry and epistolary of the early 19th century, remained relevant. It was authentic, in particular, for the young A.S. Pushkin – as “blessed laziness” accompanying a creative gift and therefore fruitful, associated with the freedom and happiness of creativity. In many ways, Kireevsky perceived such an understanding of laziness through the prism of romantic culture, and particularly of elegiac romanticism under the influence of its major representative V.A. Zhukovsky, his relative and friend. At the same time, the young epistolographer also adopted the understanding of laziness of his correspondents, such as A.I. Koshelev, A.V. Venevitinov, V.F. Odoevsky and etc. From their point of view, laziness in the chosen field of activity for the good of the Fatherland and laziness in friendly correspondence, where, in fact, it is necessary to report on the results of this activity, is completely unacceptable. Consequently, lack of zeal in correspondence is disturbing because it may indicate lack of zeal in activity. Kireevsky has earned a reputation as an idler among his friends. And, on the one hand, he defended freedom of creativity, the right to internal work in the absence of external work, but on the other hand, he worried and repented in front of his friends in laziness, tried to fight it. The motif of laziness has become the main artistic experiments and achievements of Kireevsky as the epistolographer.

Keywords: I.V. Kireevsky, friendly letters from the 1820s–1830s, the motif of laziness, A.S. Pushkin, A.I. Koshelev, S.A. Sobolevsky, E.A. Baratynsky, V.F. Odoevsky.

Information about the author: Marina D. Kuzmina, PhD in Philology, Associate Professor of Book Publishing and Book Trade of The Higher School of The Press and Media Technologies, Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, Bolshaya Morskaya St., 18, 191186 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1293-800X>

E-mail: mdkuzmina@mail.ru

For citation: Kuzmina, M.D. “The Motif of Laziness in the Friendly Correspondence of the Young I.V. Kireevsky.” *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 1, 2022, pp. 240–259. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-240-259>

Мотив лени был популярен в русской лирике начала XIX в. Он нашел широкое отражение в творчестве К.Н. Батюшкова. В стихотворениях «Совет друзьям» и «Веселый час» (второе представляет собой переосмысленный вариант первого) поэт развивает этот мотив в русле анакреонтической традиции, сопрягая «лень» и «счастье наслажденья» и «советуя друзьям» жить в «веселье и забаве» [17, с. 75–76, 105–106]. Но особенно связывает лень с творчеством. В дружеском послании «Мои пенаты», обращенном к В.А. Жуковскому и П.А. Вяземскому, К.Н. Батюшков именуется друзей-поэтов «...наперсниками забавы, / <...> / Беспечными счастливыми, / Философами-ленивцами...» [17, с. 140]. Тем самым раскрывает еще одну грань мотива лени: «ленивец» — не только «беспечный счастливец», но и «философ», поэт-мыслитель, талантливая творческая личность, которая многое постигает и многое же открывает людям в своих произведениях. Несомненно, оба смысла актуализируются им и применительно к самому себе, когда он поднимает вопрос о своей «ленивой музе» [17, с. 245]. Итак, речь идет о внешней «лени» при внутренней деятельности и о совершенной свободе жизни и творчества, столь вожденной для романтической культуры, переживающей расцвет в России первой трети XIX в.

В подобном ключе мотив лени осмысляют и современники К.Н. Батюшкова. Так, например, они единодушно поощряют Дельвига-«ленивца», а вместе с ним и самих себя.

Ты, верный мне, ты, Д<ельви>г мой,
Мой брат по музам и по лени... [19, с. 186], —

пишет Е.А. Баратынский.

Любовью, дружеством и ленью
 Укрытый от забот и бед,
 Живи под их надежной сенью;
 В уединении ты счастлив: ты поэт [27, с. 254], —

обращается в стихотворном послании к А.А. Дельвигу А.С. Пушкин. В юношеской — лицейской и петербургской — лирике и эпистолярии А.С. Пушкина этих лет лень поэтизируется как составляющая свободы и творчества. В письмах 1810-х гг. речь идет о «благословенной <...> лени» [26, с. 8], в послании к дяде, Василию Львовичу, молодой автор позиционирует себя «...ленивейшим из поэтов племянников» [26, с. 9], который «в лениности сравнится лишь с богами» [26, с. 10]; в письме к другу именуется — «твой ленивец» [26, с. 13]. Вместе с тем он пишет стихи, пишет превосходно, вследствие чего находит неусердие в делах и в эпистолярном общении извинительным.

В 1820–1830-е гг. отношение к лени у А.С. Пушкина и у его современников меняется. Актуальность этой темы и в лирике, и в письмах стремительно падает¹. Если же о лени и заходит речь, то, как правило, она депозитизируется, осмысливается как отнюдь не «благословенный» порок. В этом плане очень показательна переписка П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. «Не грешно ли тебе, Арфа, ленивая Марфа, — обращается первый ко второму, арзамасским прозвищем которого было Эолова арфа, — не прислать мне ответа немецкому журналисту? Долго ли переписать, а для меня клад» [25, с. 160]. «...Геро <...> ленив и неаккуратен...» [25, с. 167], «...Погодин <...> гуляка и ленив...» [25, с. 328], — с тревогой и неудовольствием отзываются Вяземский и Тургенев друг другу о соратниках по литературно-издательской деятельности. Пушкин-эпистограф в 1820–1830-е гг. тоже упрекает в лени — Дельвига, Гоголя, Языкова, наконец, самого себя, понимая ее как порок, мешающий творческой самореализации, и старается с ним бороться (ср.: «Простите мне долгое мое молчание <...> всякий день упрекал я себя в неизвинительной лени...» [26, с. 247], «Приехав в деревню, думал, распишусь. Не тут-то было. Головная боль, хозяйственные хлопоты; лень — бар-

1 Этой темы в лирике А.С. Пушкина касалась О.В. Сулемина [15].

ская, помещицья лень так одолели меня, что не приведи Боже» [26, с. 455]). Призывает к этому и других. Лень в ведении переписки, в журнальной, книгоиздательской и прочих видах деятельности, по Пушкину, тоже порок (в его письмах к разным лицам рефреном звучит — «не (по)ленься» [26, с. 353, 368, 401]), — простительный, однако, в том случае, если, скажем, поленившийся вовремя ответить на письмо был занят литературным трудом, ради которого, по мысли поэта, всем позволительно пренебречь.

На 1820–1830-е гг. пришлось и дружеская переписка молодого И.В. Киреевского. Круг ее участников очень широк — в их числе А.И. Кошелев, В.П. Титов, Н.М. Рожалин, В.Ф. Одоевский, Н.М. Языков, Алексей Веневитинов (брат поэта Дмитрия Веневитинова), Е.А. Баратынский, друг Пушкина Сергей Соболевский, наконец, сам А.С. Пушкин, П.А. Вяземский (последние, правда, не принадлежали к числу ближайших друзей будущего славянофила), родственник и друг И.В. Киреевского В.А. Жуковский и пр. Их переписка велась, с одной стороны, в традициях пушкинской эпохи, а с другой — по-своему. Не в последнюю очередь сказывалось то, что ближайший круг друзей-корреспондентов И.В. Киреевского составили как литераторы, впитавшие эти традиции, так и лица, избравшие для себя в качестве основной иную, внешнюю практическую деятельность (скажем, Кошелев, Алексей Веневитинов, со временем и Титов; Одоевский не ограничивался литературным трудом). В отличие от пушкинской (см. о ней подробнее: [3; 7; 12; 13]), их переписка не была всецело «литературоцентричной» — она включала в свое поле самый разный круг тем, мотивов, идей и жила не только на литературных, но и на философских, мировоззренческих, подчас достаточно разноплановых интересах. Открытые разным веяниям эпохи, охотно принимающие в общение все новых людей, Киреевский и его ближайшие друзья вместе с тем стремятся предельно сплотиться и, в частности, придать своей переписке некую монолитность.

Для этого ими были приняты выдвинутые А.И. Кошелевым предложения регулярно писать друг другу, чтобы, во-первых, в ситуации разлуки сохранить единомыслие и дружеские связи, а во-вторых, отчитываться друг другу о своей деятельности на благо Отечеству и совершать ее в полную силу, помня от том, что нужно дать отчет другу. «Лучшее, единственное средство утвердить наше единомыслие состоит в постоянной мене мыслей, — замечал А.И. Кошелев. — Надлежит положить законом писать друг к другу в извест-

ные времена. Это взаимное обязательство <...> должно быть угловым камнем нашей дружбы. Я уверен, что попечение друг о друге, знание, что все, что я делаю, отзовется в душе, мною любимой, как в моей собственной, уверенность в помощи друга, — все это укрепит меня, и многое, что, может быть, отвратило бы меня от предположенного пути, послужит, напротив, к утверждению в моем намерении, когда я подумаю, что я не один, что я имею друзей, что все мы действуем заедно. <...> деятельность усыпает в нас, когда мы воображаем, что мы одни. Надзор дружбы бесценен» [22, с. 120–121]. Это предложение друзьями было принято. Итак, лень как в деятельности на избранном поприще, так и в переписке для них недопустима. Следовательно, лень в переписке выступает тревожным сигналом, не только ставящим под угрозу дружеские связи, но и заставляющим предполагать неуспех в деятельности.

Тщательно следя за собой, стремясь самоорганизоваться, автор идеи о регулярной «мене мыслей» и «надзоре дружбы» А.И. Кошелев прилагает все усилия, чтобы не допустить в себе малейшей склонности к этому пороку. Его письма к И.В. Киреевскому пестрят «отчетами» об активной деятельности: «Отдам тебе отчет в моих занятиях, относящихся до Ист<ории> Петра Великого, дабы ты не подумал, что я ленюсь или что мое усердие охладело. <...> я уже прочел всю историю Польши и сделал из нее выписки <...>. Теперь начал читать австрийскую историю...» [22, с. 104], «...насел я на естеств<енное> и римск<ое> права» [22, с. 105], «Отправляясь в дальнюю деревню, я беру с собою только томов двадцать. <...>. Обо всем, что буду читать, буду тебе отдавать подробный отчет» [22, с. 108], «Исторические занятия мои идут весьма порядочно» [23, с. 103] и т. п., — как и сообщениями о том, что он старается активно вести переписку: «Ну, любезный Киреевский, можешь ли теперь жаловаться на мою лень. Но боюсь, что все же не стал жаловаться на плодovitость мою и поставишь меня наряду с болтуном Ходаковским» [22, с. 108], «...не лень виной замедления в отправлении письма» [23, с. 103] и т. п. Как можно видеть, Кошелеву очень важно убедить друга в своей активности в обеих сферах — дела и эпистолярного общения. По его мысли, лень, проявляющаяся хотя бы в одной из них, проявится и в другой, поэтому необходимо полностью побороть в себе этот порок. Неудивительно, что, видя неуспех в борьбе с ленью хотя бы в одной из двух сфер — в себе ли («Признаюсь, я несколько дней совершенно изленился и ничем почти не занимался» [22, с. 108]) или в ком-то из дружеского

круга («...я должен тебе пожаловаться на Александра Серг<еевича> (речь о Норове. — М.К.): он очень ленив» [22, с. 105]), Кошелев огорчается. Чаще всего ему приходится огорчаться по поводу ближайшего друга — Киреевского, снискавшего в своем окружении репутацию ленивца.

И.В. Киреевский столь неактивен в переписке, что это послужило поводом для упреков ему со стороны, кажется, всех друзей. Его молчание успело изумить даже не так давно сблизившихся с ним Д.Н. и Е.А. Свербеевых. Оно стало лейтмотивом одного из их европейских писем: «Неужели вы не писали нам ни разу? — недоумевает Екатерина Александровна, говоря за себя и за мужа. — Я слишком уверена в вашей дружбе, чтобы полагать это возможным. <...>. Неужели вы не получали наших двух писем, одно из Эмса, другое из Женевы? Перестану ждать ответа и не стану более ломать головы, чтобы понять молчание ваше. Вам стыдно будет получить это письмо, не писав ни слова с июля. Мне очень грустно ваше молчание. Мы еще во Флоренции, вы имели о нас вести чрез Кошелева, которому писали мы недавно. <...>. Что-то у вас делается? Совсем нас позабыли — не стыдно ли, что вы не пишете? Напомните меня дружбе вашей матушки и сестрицы и отвечайте хоть на эту мою полурусскую грамоту» [28, л. 4–4 об.]. О том же писали Киреевскому и другие друзья. Вторя один другому, они призывают к нему — то шутя («...от вашей лени нет ни словечка...» [30, с. 563], «Если ты не боишься парализации в руках при малейшем прикосновении оных до пера, то напиши мне...» [30, с. 566], «Если тебе не слишком тягостно держать перо между большим, указательным и средним пальцами, то напиши мне ради чего-нибудь...» [20, л. 42 об.], «Ты меня порядочно тиранишь, душа моя Киреевский. Все пишу, и пишу, и пишу тебе <...> и нет ни словечка <...> от тебя...» [31, л. 7]), то, чаще, серьезно, с разным отношением в диапазоне от удивления, тревоги, неудовольствия до заботы о нем, попечения и о самой дружбе («Неужели, любезный Киреевский, положено между нами писать друг другу раз в три месяца» [22, с. 114], «Таков-то ты, Киреевский? С отъезда моего ни слова ты ко мне не написал. Видимо, ты все тот же, хотя торжественно обещал перемениться и быть верным переписчиком» [22, с. 120], «Что ты замолк, любезный друг Киреевский? Более месяца <...> не получаем от тебя ни строчки. Зачем не напишешь в двух словах хотя о том, что ты и все твои здоровы физически? В нравственном твоём здоровье я начинаю сомневаться, ибо вижу, что благословенная лень не перестает быть

твою богинею» [24, л. 1], «Что ты молчишь, милый Киреевский? Твое молчание меня беспокоит. Я слишком тебя знаю, чтобы приписать его охлаждению; не имею права приписать его и лени. Здоров ли ты и здоровы ли все твои? Право, не знаю, что думать» [18, с. 163]). Если Кошелев всегда строго-требовательно призывает друга к ответу, в подобном духе обращается к Киреевскому и Одоевский, то Баратынский скорее переживает за него, а Соболевский по большей части шутит. В каждом случае сказывались индивидуальные особенности эпистолографов и особенности их межличностных отношений. Очень деятельные, Кошелев и Одоевский не понимают и не приемлют лени. Соболевский же, повеса и весельчак, не склонен высоким языком говорить о долге; он придумал для характеристики Киреевского неологизм — «леженабокство» [30, с. 565]. Относящийся к другу с трепетной теплотой Баратынский вовсе не позволяет себе заподозрить в нем низменные качества и вершить суд.

Д.В. Веневитинов испробует разные способы увещевания И.В. Киреевского, в надежде, не подействует ли тот или другой. Характерна его приписка к облеченной в шутивную форму просьбе: «Если тебе не слишком тягостно держать перо между большим, указательным и средним пальцами, то напиши мне...» — «...ради чего-нибудь...». Ради любви ли, дружеских ли чувств, ради долга ли, ради успокоения ли собственной совести, или еще ради чего-либо. Он смиренно готов на все, предоставляя другу полную свободу выбора. Той же цели, очевидно, служит у него и актуализация разных тональностей эпистолярного общения. Испробуя их, Веневитинов переходит от шутивной — к теплой, доверительно-исповедальной («...отчего ты так давно уже не переписываешься? Не странно ли это? Не стыдно ли это? <...>. Не забывай меня...» [20, л. 16–16 об.]), а от нее — к учительной. Он напоминает Киреевскому евангельскую притчу о талантах, недвусмысленно проводя параллель между ним и тем ее персонажем, который зарыл Богом данный талант в землю и был за это осужден (см.: Мф. 25: 14–30, Лк. 19: 12–27): «Ты знаешь притчу о слуге, зарывшем в землю талант учителя? Я бы охотнее извинил в тебе лень писать к приятелям» [20, л. 10]. Веневитинов решил прибегнуть к библейскому примеру и учительной тональности (смягчив ее формой вопроса), крайне обеспокоенный тем, что, как и Кошелев и другие участники дружеского круга, увидел проявление лени Киреевского не только в переписке, но и в деятельности. Интересно, что

в посланиях Веневитинова к нему два основных прескрипта: «Любезный друг Киреевский!» [20, л. 6] и «...мой ленивый Киреевский» [20, с. 10], — иногда соединяемые: «Здравствуй, ленивый и любезный Киреевский» [20, л. 4]. Первый, «любезный», отдает дань эпистолярному этикету и выражает чувства автора письма к адресату, раскрывает дружеские отношения коммуникантов. Второй, «ленивый», не этикетно, а лично, оно называет центральное качество адресата, беспокоящее автора.

По понятным причинам лень И.В. Киреевского тревожила прежде всего самых деятельных участников дружеского круга, — таких, как Д.В. Веневитинов, В.Ф. Одоевский и А.И. Кошелев. Последний вовсе не считал литературное поприще достойным и достаточным, по поводу чего у них с Киреевским шли споры. Тем более Кошелев негодовал, видя и на этом поприще пассивность друга. «Ты говоришь, что читаешь мало, да что же ты делаешь? — писал он ему не без ехидства. — Неужели все только куришь, пьешь кофе или какао и всходишь и нисходишь по своей лестнице? Это очень не идеально. Извини, я позабыл: ты пиитствуешь. <...>. Пора бы тебе, любезный друг, перестать ребячиться, выбрать поприще и постепенно подвизаться на нем...» [22, с. 115].

Лень И.В. Киреевского, приводившая нелитераторов А.И. Кошелева и Д.В. Веневитинова в совершенное недоумение, была пронизательно понята его собратом по перу В.Ф. Одоевским, охарактеризовавшим ее как «благословенную». Это почти цитата из письма Пушкина-лицеиста о «благословенной <...> лениности», текст которого, конечно, никому из участников дружеской переписки Киреевского не мог быть известен. Тем примечательнее совпадение. Оно свидетельствует о некоем едином культурном контексте, в который были органически включены разные представители эпохи: Пушкин и его друзья-корреспонденты, молодой Киреевский. Последний, таким образом, оказался между двух традиций отношения к лени, каждая из которых для него очень актуальна: традиция порицания лени в кругу его собственных друзей, ориентированных на активную внешнюю самореализацию, и традиция поэтизации лени, характерная для русской лирики и эпистолографии начала XIX в. Для Киреевского эта рецепция актуальна в то время, когда его гениальный современник Пушкин ее уже перерос. На протяжении 1820–1830-х гг. будущий славянофил все так же ценит «вольность праздную, подругу размышленья» [27, с. 359] и творчества, ле-

лея идеал гармоничного бытия, обрисованный в первой половине стихотворения Пушкина «Деревня».

В одном из писем к А.И. Кошелеву И.В. Киреевский поднимает вопросы, которые адресует, как справедливо заметил А.Э. Еремеев, не только своему эпистолярному собеседнику, но и самому себе [9, с. 12]: «Служить — но с какой целью? Могу ли я принести в службе значительную пользу отечеству? <...> ты зовешь в П<етербург> — назови же тех счастливых, для сообщества которых должен я ехать за тысячу верст и там употреблять большую часть времени на бесполезные дела. Мне кажется, что здесь есть вернейшее средство для образования: это употреблять время, как хочешь. Не думай, однако же, чтоб я забыл, что я русский, и не считал себя обязанным действовать для блага моего отечества. <...> Я могу быть литератором, — а содействовать к просвещению народа не есть ли величайшее благодеяние <...> целую жизнь имея целью: образовываться, могу ли я не иметь веса в литературе? Я буду иметь его и дам литературе свое направление» [21, т. 1, с. 202–203]. По точной характеристике А.Э. Еремеева, он «выбирает поприще просветителя, причем деятельность “неформального” свойства» [9, с. 12]. Нельзя не заметить, что он отчетливо соотносит ее со свободой, которую ценит чрезвычайно высоко. Нельзя не заметить в его словах и юношеского максимализма и идеализма, присущего также и его друзьям, но, пожалуй, в наибольшей степени ему самому.

Очевидно, будущий славянофил в этом отношении испытывал влияние романтизма, который в 1820-е гг. уже не удовлетворял А.С. Пушкина, но Пушкин составлял исключение. И.В. Киреевский же особенно впитал в себя романтизм толка В.А. Жуковского — элегический, что, вероятно, не в последнюю очередь объяснялось сильным влиянием, которое молодой человек с детства испытывал со стороны своего знаменитого родственника-поэта и которое было усилено матерью, А.П. Елагиной, находившейся, в свою очередь, в отношениях взаимовлияния с Жуковским (см. подробнее: [8, с. 20–84]). Всех троих связывала редкая душевно-духовная близость. В одном из писем юноша Киреевский обратился к своему знаменитому родственнику со словами: «Друг-Отец!» [21, т. 1, с. 328], — уточнив: «Это имя идет так от полного сердца, что я уверен: вы примете его с такою же дружбою, с какою любовью я даю его вам» [21, т. 1, с. 328]. Биографы Киреевского единодушно свидетельствуют: «В <...> раннем сближе-

нии с Жуковским следует искать первого объяснения того исключительно идеального склада, которым на всю жизнь запечатлелось мировоззрение Ивана Васильевича Киреевского...» [11, с. 334–335], «Между Жуковским и Киреевским есть органическая связь...» [4, с. 425], состоящая в «чувствительности сердца» [4, с. 425] и способности больше всего ценить в человеке — в себе ли, в другом ли — «...“сердце”, теплоту, нежность, искренность чувства...» [4, с. 424] и т. п.

В 1820–1830-е гг. семья Елагиных-Киреевских вместе со всем русским обществом зачитывалась произведениями В.А. Жуковского, завоевавшего репутацию первого русского романтика. И.В. Киреевский в одном из писем сообщил С.А. Соболевскому: «Матушка хочет сама переписать тебе Жуковского: Море...» [22, т. 1, с. 226]. В элегии «Море», как и в других произведениях автора-романтика, поэтизируется мир идеала. Путь к нему, по мысли Жуковского, пролегает через душу человека, через веру, нравственное самосовершенствование, рефлексию, воспоминание, созерцание, любование красотами природы и т. п. Эта внутренняя наполненность, внутренняя гармония, внутренняя свобода чрезвычайно близка и дорога Киреевскому. Именно ее отстаивает и одновременно пытается объяснить в письмах к А.И. Кошелеву, огорченный непониманием и упреками с его стороны, как и со стороны других друзей: «Вы думаете, что я, не зная цены жизни, бесполезно трачу свое время, не сожалея о потерянных минутах; и, не имея в душе того огня, который не позволяет успокоиться в бездействии, за настоящим забываю прошедшее и будущее; что я произвольно предоставил обстоятельствам: направлять мои поступки по воле случая, и оправдываю это состояние (которое ты справедливо называешь состоянием ничтожества) тем, что в нем есть нечто поэтическое» [21, т. 1, с. 201]. Эти строки через отрицание — утверждают актуальность для их автора романтических основ жизни и того, что называют романтическим типом сознания [16, с. 218]. Киреевский, по сути, признается, что в его душе горит «огонь, который не позволяет успокоиться в бездействии» (очень характерна сама эта метафорика, выдержанная в романтической традиции) и что за внешним бездействием у него скрывается напряженная внутренняя деятельность, и он отдает ей предпочтение перед всякой иной, считая ее наиболее ценной.

Сами письма И.В. Киреевского — образные, подлинно литературные — ярко свидетельствуют о его внутренней деятельности при внешней

лени и в этом смысле по-своему подтверждают правильность сделанного им выбора. Они выделяются, скажем, на фоне эпистолярия В.Ф. Одоевского, талантливого прозаика-романтика 1830-х гг. Письма последнего носят нарочито «нелитературный» и «нефилософский» характер — они «обычны». Чувствуется, что их автору некогда. Он, как правило, пишет по делу — деловые или полуделовые письма. Кроме того, играл, наверное, роль тот факт, что Одоевский в полной мере реализовывал свой талант писателя в художественном творчестве, тогда как Киреевский к этому скорее готовился. Пожалуй, самое романтическое художественное произведение, которое он в эти годы создал, — повесть «Опал» (1830), очень соотносимая с повестью Е.А. Баратынского «Перстень» (1832), В.Ф. Одоевского «Сильфида» (1837) и с другими произведениями русского романтизма. Она близка и к эпистолярию И.В. Киреевского (что по-своему подтверждает наблюдение А.Э. Еремеева о том, что творчество молодого Киреевского «подлинно синтетично» [9, с. 169]): в той же эмоциональной и стилистической тональности рисует, в сущности, тот же мир «мечты» [21, т. 3, с. 218].

Литературный талант И.В. Киреевского гораздо ярче и многообразнее претворялся в письмах, чем в повестях, которых он и создал-то немного. Эпистолярное же наследие молодого романтика, несмотря на постоянные сетования друзей по поводу его неусердия в переписке, намного объемнее (правда, нельзя не увидеть в этом заслугу самих друзей, побуждавших «ленивца» писать). Именно в письмах Киреевский, откликаясь на тенденции современного ему литературного развития, испробует разные стилистические манеры. Если, скажем, в переписке с Е.А. Баратынским (послания к которому, правда, не сохранились, но о них можно судить по ответным письмам) и с А.И. Кошелевым в большей степени нашел отражение элегический романтизм толка В.А. Жуковского и доверительно-исповедальная традиция эпистолярия конца XVIII – начала XIX вв. («Вот тебе моя психологическая исповедь» [18, с. 163], «Ты первый из всех знакомых мне людей, с которым изливаюсь без застенчивости...» [18, с. 165], — писал ему Е.А. Баратынский; «...дари меня, хоть изредка письмами, которые бы сообщали мне известия о состоянии твоём, как нравственном, так и телесном» [22, с. 113], — просил А.И. Кошелев; «Благодарю тебя за твои расспросы обо мне и охотно буду отвечать на них обстоятельно, — обещал И.В. Киреевский, — ибо нет тяжелее состояния, как быть неузнанным теми, кого мы любим» [21, т. 1, с. 201]),

то в эпистолярном диалоге с С.А. Соболевским — арзамасская «буффонада». Арзамасский стиль господствовал в переписке пушкинского круга и, следовательно, во многом определял характер дружеской переписки 1820–1830-х гг. в целом (см. подробнее: [5; 6]). Он, с одной стороны, был привнесен в эпистолярное общение с Киреевским Соболевским, который был одним из ближайших друзей Пушкина и переписывался с ним в таком духе (см.: [32]). С другой стороны, этот стиль был органичен для самого Соболевского, имевшего и всячески поддерживавшего репутацию весельчака, беспечного повесы, прожигателя жизни (см. подробнее: [1; 2; 10; 14 и др.]). Он и своим любимым литературным жанром избрал эпиграмму (см.: [29]). Но «буффонадный» стиль был, как видно по переписке, очень близок и дорог и самому Киреевскому. Его письма к Соболевскому даже «буффонаднее», чем письма Соболевского к нему или к Пушкину. Об одном из них автор даже сказал: «...не знаю, к кому, кроме тебя, мог бы я написать такое, не сомневаясь, что оно не произведет дурного действия» [22, т. 1, с. 239]. Киреевский чаще, чем Соболевский, дает экспансию грубо-прозаическому, которое может заполнить собой все пространство текста, захватив в свою орбиту и эпистолографа («Будь я скотина, если я солгал» [21, т. 1, с. 209]), и адресата («Прощай, скотина. <...>. Прощай, ж <...> разэтакая. <...>. Ах! Прощай, чья красна рожка, / Как подошвы толстой кожа / И приятна, и нежна» [21, т. 1, с. 210–211]), и общих знакомых («...Погодин <...> дурак...» [21, т. 1, с. 210]), и самую поэзию (показательны непозитичные образчики стихотворства, включенные в письмо) — абсолютно все.

Нередко темой эпистолярного текста становится рефлексия по поводу самой лени. Интересно, например, письмо И.В. Киреевского к С.А. Соболевскому от октября 1830 г., где мотив лени выступает в качестве «сюжетообразующего». Текст состоит из двух частей: стихотворения, которое занимает более половины объема всего письма, и прозы. Это письмо очень литературно. Центральная тема и, без преувеличения, героиня обеих его частей — Лень. Во второй части автор вывел ее имя с прописной буквы: «...лень высказывает Лень!..» [21, т. 1, с. 325]. Послание интересно тем, что обе его части как бы дополняют друг друга по принципу «наоборот», и обе обманывают ожидания читателя. Первая, стихотворная, оказывается прозаичной по содержанию, лень в ней осмысливается как порок:

.....лень
Мне до сих пор писать мешала,
Из пальцев перья вынимала
И говорила всякий день:
«Успеешь завтра!».. [21, т. 1, с. 325].

Вторая же, прозаическая, часть столь же неожиданно оказывается исполненной лиризма и поэтизирует «благословенную лень»: «...Лень! Она моя судьба, звезда, под которой я рожден!» [21, т. 1, с. 325]. Вместе с тем сквозь поэтизацию проглядывает ирония, создавая эффект парадокса. Таким образом, границы между лирическим и прозаическим, «благословенным» и «порочным» в письме оказываются размытыми. Автор подталкивает адресата к мысли об относительности понятий лени, бездеятельности и деятельности — и вводит его в орбиту своего свободного литературного творчества, в которой чувствует себя счастливым.

Иногда лень дописать и отправить письмо побуждает И.В. Киреевского продолжать его изо дня в день, создавая некое подобие дневника и, соответственно, эпистолярно-дневниковый жанровый гибрид, достаточно характерный для русской литературы той эпохи. В частности, письма-дневники создавал В.А. Жуковский. Вынужденный в случае Киреевского, обусловленный ленью, — жанровый эксперимент оттого не терял своей значимости. Один из любопытных образцов — его послание к А.И. Кошелеву, создававшееся в три этапа с конца 1830 по начало 1831 г. (см.: [21, т. 1, с. 334]).

Литературные эксперименты Киреевского-эпистологафа, завязанные на лени, не давали ему, однако, оснований только поэтизировать ее. Он, как и его друзья, видит в ней порок, с которым необходимо бороться. Как друзья упрекают Киреевского в этом пороке, так и он сам упрекает в нем себя — иногда в серьезной, едва ли не в покаянной тональности («...мои занятия состояли в ничего неделаньи. Прожектов много, но лени еще больше. <...> мои прожекты об Жуковском, об критике, об философии в России — до сих пор еще прожекты» [21, т. 1, с. 219], часто в шутиливой форме («...может быть, неудача заставит тебя подумать, что я не довольно старался, а я совсем не хотел бы такого приращения репутации моей лени на счет моих других качеств» [21, т. 1, с. 230], «...если *жизнь переписки* (здесь и далее курсив И.В. Киреевского. — М.К.) так же как жизнь человека, пря-

дятся тремя парками, из которых одна начинает, другая продолжает, а третья оканчивает, то у моей переписки, в отличие от других, недостает одной парки, т. е. той, которая продолжает. <...>. Если же, несмотря на эти объяснения, ты все еще будешь обвинять мою лень, — обращается эпистолограф к Шевыреву, — то, конечно, сжалишься над этою ленью, когда узнаешь, как строго я с нею поступил» [21, т. 1, с. 344] и т. п.). В шутливой же форме он упрекает в этом пороке и друзей, смягчая ею для них удар, — ср. в письме к А.И. Кошелеву: «...не хочу брать примера с людей, каков Кошелев. Нечего сказать: министр на обещанья! Хотел писать часто и до сих пор написал только одно письмо; хотел прислать отрывки из твоего сочинения об истории, и я уверен, что и сочинение, и отрывки sind noch im Werden [*нем.* находятся еще в созидании]. Хотел перевести Cousin, хотел прочесть всего Гердера, и я дам руку отсечь, что ты одного не кончил, а другое и не начинал» [21, т. 1, с. 217–218]. Иногда через тему лени в шутливой дружески-доброжелательной форме «соединяет» себя с адресатом письма, объявляя, что им присущ один и тот же порок: «...ты доказал мне, что есть человек еще меня ленивее» [21, т. 1, с. 334], — сообщает Киреевский Кошелеву. Любопытно, что чаще, чем кого-либо из друзей, Киреевский упрекает в лени именно его, так стремившегося к активной деятельности и требовавшего ее от других. Молодой литератор, как очевидно, пытается умерить его категоричность, помочь ему увидеть многогранность жизни.

Вместе с тем молодой романтик сам пытается бороться с пороком лени, о чем отчитывается друзьям в письмах. Он полушутя-полусерьезно уведомляет то одного, то другого из них о результатах — в отношении как переписки («Скоро буду писать чаще, ибо я привел теперь мои дни в порядок и в каждой неделе определил два утра на писанья писем» [21, т. 1, с. 236], так и самореализации на избранном поприще («...лень решила меня (так в тексте письма. — М.К.) издавать журнал с будущего 1832-го года. Обязанность работать на срок принудит меня хотя нехотя быть деятельным, и, собравши подписку, мне уже не останется середины: быть ленивым и быть честным человеком» [21, т. 1, с. 334]). Правда, ни в том, ни в другом решить проблему лени Киреевскому так и не удалось.

С одной стороны, для эпистолярной прозы молодого И.В. Киреевского это оказалось плодотворным. Именно в ней его литературный талант, недореализованный в других сферах, реализовался наиболее полно. С другой

же — в эпистолярии это получилось благодаря усилиям друзей, неотступно побуждавших Киреевского писать, не потворствуя лени. Положительную роль сыграло и само многообразие межличностных и эпистолярных отношений внутри дружеского кружка, определившее богатство эпистолярной прозы «ленивца» и его корреспондентов. В их переписке по-своему синтезировались разные тенденции развития эпистолярного жанра первой трети XIX в., никогда и нигде ранее не представленные так полно: традиции исповедально-доверительного эпистолярного общения, выросшие из культуры сентиментализма, традиции «буффонадно»-галиматейного арзамасского письма, традиции переписки пушкинского круга 1810-х и 1820–1830-х гг., и, наконец — традиции, учрежденные самим Киреевским и его друзьями-корреспондентами. Каждый из этих друзей-корреспондентов отдавал предпочтение той или другой из них. Наиболее полно они представлены в эпистолярии самого Киреевского. Своего рода призмой для их преломления выступил мотив лени, определявший и сюжетно-композиционное построение, и содержание, и поэтику его эпистолярных текстов.

Список литературы**Исследования**

- 1 *Апостол П.* Библиофил С.А. Соболевский // *Временник общества друзей русской книги*. III. М.: Собрание, 2007. С. 107–122.
- 2 *Березин-Ширяев Я.Ф.* Сергей Александрович Соболевский (Из воспоминаний библиофила). СПб.: Ред. журн. «Библиограф» (Н.М. Лисовского), 1892. 14 с.
- 3 *Вольперт Л.И.* Дружеская переписка Пушкина михайловского периода (сентябрь 1824 г. — декабрь 1825 г.) // *Пушкинский сборник: сб. науч. тр.* Л.: ЛГПИ, 1977. С. 49–62.
- 4 *Гершензон М.О.* Иван Васильевич Киреевский // *Киреевский И.В., Киреевский П.В.* Полн. собр. соч.: в 4 т. Калуга: Издат. пед. центр «Гриф», 2006. Т. 4: Материалы к биографиям. Восприятие и оценка личности и творчества. С. 415–446.
- 5 *Гинзбург Л.Я.* «Застенчивость чувства». По поводу писем людей пушкинского круга // *Красная книга культуры*. М.: Искусство, 1987. С. 183–188.
- 6 *Гинзбург Л.Я.* Эвфемизмы высокого (По поводу писем людей пушкинского круга) // *Вопросы литературы*. 1987. № 5. С. 199–208.
- 7 *Данкер З.М.* Текстовое пространство А.С. Пушкина как завершенная открытая эстетически значимая структура // *Вестник СПбГУ*. Сер 9. 2010. Вып. 2. С. 21–22.
- 8 *Долгушин Д.В., прот. В.А. Жуковский и И.В. Киреевский:* Из истории религиозных исканий русского романтизма. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 352 с.
- 9 *Еремеев А.Э.* И.В. Киреевский. Литературные и философско-эстетические искания (1820–1830). Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. 171 с.
- 10 *Ивакск У.Г.* Сергей Александрович Соболевский и его библиотека. М.: Типо-лит. И.И. Пашкова, 1906. 15 с.
- 11 *Ляковский В.Н.* Братья Киреевские // *Киреевский И.В., Киреевский П.В.* Полн. собр. соч.: в 4 т. Калуга: Издат. пед. центр «Гриф», 2006. Т. 4: Материалы к биографиям. Восприятие и оценка личности и творчества. С. 332–414.
- 12 *Паперно И.А.* Переписка Пушкина как целостный текст (май — октябрь 1831 г.) // *Ученые записки Тартуского государственного университета*. Тарту, 1977. Вып. 420. *Studia metrica et poetica*. II. С. 71–81.
- 13 *Пригожая О.В.* Переписка А.С. Пушкина с Н.М. Языковым как целостный текст // *По царству и поэт: Материалы всеросс. науч. конф. «Н.М. Языков и литература пушкинской эпохи»* / сост. и отв. ред. А.П. Рассадин. Ульяновск: Сверневолжский науч. центр, 2003. С. 123–134.
- 14 *Саитов В.И.* Сергей Александрович Соболевский // *Соболевский — друг Пушкина*. СПб.: Парфенон, 1922. С. 3–22.
- 15 *Сулемина О.В.* Лень как свобода (к интерпретации мотивов лени и сна в лирике А.С. Пушкина) // *Научный вестник Воронежского архитектурно-строительно-*

- го университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. Вып. 12. С. 49–54.
- 16 Шикина А.Н. Культурфилософия романтизма // Вестник Костромского государственного университета. Сер. Культурология. Искусствоведение. 2014. № 1. С. 218–221.

Источники

- 17 Батюшков К.Н. Полное собрание стихотворений / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Н.В. Фридмана. М.; Л.: Сов. писатель, 1964.
- 18 Баратынский Е.А. Письма к И.В. Киреевскому // Киреевский И.В., Киреевский П.В. Полн. собр. соч.: в 4 т. Калуга: Издат. пед. центр «Гриф», 2006. Т. 4: Материалы к биографиям. Восприятие и оценка личности и творчества. С. 156–195.
- 19 Баратынский Е.А. Стихотворения. Поэмы / изд. подгот. Л.Г. Фризман. М.: Наука, 1983. 720 с.
- 20 Вeneвитинов А.В. Письма к И.В. Киреевскому // РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. Ед. хр. 48. 43 л.
- 21 Киреевский И.В. Полн. собр. соч. и писем: в 3 т. СПб.: Росток, 2018. Т. 1. 608 с.; Т. 2. 527 с.; Т. 3. 704 с.
- 22 Кошелев А.И. Письма И.В. Киреевскому (1822–1828) (публ. Е.В. Лудиловой) // Русская литература. 2005. № 1. С. 96–124.
- 23 Кошелев А.И. Письма И.В. Киреевскому (вступ. заметка, подгот. текста и коммент. Е.В. Лудиловой) // Русская литература. 2007. № 3. С. 91–116.
- 24 Одоевский В.Ф. Письма к И. В. Киреевскому // РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. Ед. хр. 104. 27 л.
- 25 Остафьевский архив. СПб., 1899. Т. 3.
- 26 Пушкин А.С. Письма. 1815–1837 // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. и писем: в 10 т. М.: Наука, 1966. Т. 10. 903 с.
- 27 Пушкин А.С. Стихотворения // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.: Наука, 1962. Т. 1. 535 с.
- 28 Свербева Е.А. Письма к И.В. Киреевскому // РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. Ед. хр. 129. 10 л.
- 29 Соболевский С.А. Миллион сочувствий. Эпиграммы. М.: Книга, 1991. 219 с.
- 30 Соболевский С.А. Письма к И.В. Киреевскому // Русский архив. 1906. Вып. 9. С. 563–570.
- 31 Соболевский С.А. Письма к И.В. Киреевскому. 1829–1830-е гг. // РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. Ед. хр. 134. 31 л.
- 32 Соболевский С.А. Письмо к А.С. Пушкину от 2 октября <1833> г. // Соболевский – друг Пушкина. СПб.: Парфенон, 1922. С. 27–28.

References

- 1 Apostol, P. "Bibliofil S.A. Sobolevskii" ["Bibliophile S.A. Sobolevsky"]. *Vremennik obshchestva druzei russkoi knigi. III* [*Vremnik of the Society of Friends of the Russian Book. III*]. Moscow, Sobranie Publ., 2007, pp. 107–122. (In Russ.)
- 2 Berezin-Shiriaev, Ia.F. *Sergei Aleksandrovich Sobolevskii (Iz vospominanii bibliofila)* [*Sergei Alexandrovich Sobolevsky. (From the Memoirs of a Bibliophile)*]. St. Petersburg, Redaktsiia zhurnala "Bibliograf" (N.M. Lisovskogo) Publ., 1892. 14 p. (In Russ.)
- 3 Vol'pert, L.I. "Druzheskaia perepiska Pushkina mikhailovskogo perioda (sentiabr' 1824 g. — dekabr' 1825 g.)" ["The Friendly Correspondence of Pushkin during the Mikhailovsky Period (September 1824 — December 1825)"]. *Pushkinskii sbornik* [*Pushkin Collection*]. Leningrad, Leningradskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut Publ., 1977, pp.49–62. (In Russ.)
- 4 Gershenzon, M.O. "Ivan Vasil'evich Kireevskii" ["Ivan Vasilievich Kireevsky"]. Kireevskii I.V., Kireevskii P.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 4 t.* [*Complete Works: in 4 vols.*], vol. 4: Materialy k biografiiam. Vospriatie i otsenka lichnosti i tvorchestva [Materials for Biographies. Perception and Evaluation of Personality and Creativity]. Kaluga, Izdatel'skii pedagogicheskii tsentr "Grif" Publ., 2006, pp. 415–446. (In Russ.)
- 5 Ginzburg, L.Ia. "'Zastenчивost' chuvstva'. Po povodu pisem liudei pushkinskogo kruga" ["'Shyness of Feeling'. About the Letters of the People of the Pushkin Circle"]. *Krasnaia kniga kul'tury* [*Red Book of Culture*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1987, pp. 183–188. (In Russ.)
- 6 Ginzburg, L.Ia. "Evfemizmy vysokogo (Po povodu pisem liudei pushkinskogo kruga)" ["Euphemisms of the High (Concerning the Letters of the People of the Pushkin Circle)"]. *Voprosy literatury*, no. 5, 1987, pp. 199–208. (In Russ.)
- 7 Danker, Z.M. "Tekstovoe prostranstvo A.S. Pushkina kak zavershennaia otkrytaia esteticheski znachimaia struktura" ["A.S. Pushkin's Text Space as a Complete Open Aesthetically Significant Structure"]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriia 9, vol. 2, 2010, pp. 21–22. (In Russ.)
- 8 Dolgushin, D.V., prot. V.A. *Zhukovskii i I.V. Kireevskii: Iz istorii religioznykh iskanii russkogo romantizma* [V.A. Zhukovsky and I.V. Kireevsky: *From the History of the Religious Searches of Russian Romanticism*]. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2009. 352 p. (In Russ.)
- 9 Eremeev, A.E. *I.V. Kireevskii. Literaturnye i filosofsko-esteticheskie iskaniiia (1820–1830)* [I.V. Kireevsky. *Literary and Philosophical-Aesthetic Searches (1820–1830)*]. Omsk, Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta Publ., 1996. 171 p. (In Russ.)
- 10 Ivask, U.G. *Sergei Aleksandrovich Sobolevskii i ego biblioteka* [Sergei Alexandrovich Sobolevsky and His Library]. Moscow, Tipolitografiia I.I. Pashkova Publ., 1906. 15 p. (In Russ.)

- 11 Liaskovskii, V.N. "Brat'ia Kireevskie" ["Brothers Kireevsky"]. Kireevskii I.V., Kireevskii P.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 4 t.* [Complete Works: in 4 vols.], vol. 4: Materialy k biografiiam. Vospriiatie i otsenka lichnosti i tvorchestva [Materials for Biographies. Perception and Evaluation of Personality and Creativity]. Kaluga, Izdatel'skii pedagogicheskii tsentr "Grif" Publ., 2006, pp. 332–414. (In Russ.)
- 12 Paperno, I.A. "Perepiska Pushkina kak tselostnyi tekst (mai – oktiabr' 1831 g.)" ["Pushkin's Correspondence as a Complete Text (May – October 1831)"]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Studia metrica et poetica, II*, vol. 420, Tartu, 1977, pp. 71–81. (In Russ.)
- 13 Prigozhaia, O.V. "Perepiska A.S. Pushkina s N.M. Iazykovym kak tselostnyi tekst" ["Correspondence between A.S. Pushkin and N.M. Yazykov as a Complete Text"]. *Po tsarstvu i poet: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii "N.M. Iazykov i literatura pushkinskoi epokhi"* [According to the Kingdom the Poet: Materials of the All-Russian Scientific conf. "N. M. Iazykov and Literature of the Pushkin Era"], comp. and ex. ed. A.P. Rassadin. Ul'ianovsk, Svernevolzhskii nauchyi tsentr Publ., 2003, pp. 123–134. (In Russ.)
- 14 Saitov, V.I. "Sergei Aleksandrovich Sobolevskii" ["Sergey Alexandrovich Sobolevsky"]. *Sobolevskii – drug Pushkina* [Sobolevsky – a Friend of Pushkin]. St. Petersburg, Parfenon Publ., 1922, pp. 3–22. (In Russ.)
- 15 Sulemina, O.V. "Len' kak svoboda (k interpretatsii motivov leni i sna v lirike A.S. Pushkina)" ["Laziness as Freedom (to the Interpretation of the Motives of Laziness and Sleep in the Lyrics of A.S. Pushkin)"]. *Nauchnyi vestnik Voronezhskogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*. Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia, vol. 12, 2014, pp. 49–54. (In Russ.)
- 16 Shikina, A.N. "Kul'turfilosofia romantizma" ["Cultural Philosophy of Romanticism"]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria Kul'turologiia. Iskustvovedenie*, no. 1, 2014, pp. 218–221. (In Russ.)